

В. А. ОСТАНИН*

Территория опережающего социально-экономического развития как креативное экономическое пространство

В статье рассматривается возможность формирования модели креативной экономики на территории опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России. Подчеркнуто, что создание такой модели может повлиять на повышение конкурентоспособности региона. Проанализированы существующие индикаторы креативности региона.

Ключевые слова: территория опережающего социально-экономического развития, креативная экономика, индикаторы креативности региона, инновационность экономики.

V. A. OSTANIN

The Territory of Advanced Socio-Economic Development as the Creative Economic Space

The article considers the possibility of developing a model of the creative economy on the territory of advanced socio-economic development of the Russian Far East. The author emphasizes that creating such a model might affect the competitiveness of the region. The existing indicators of the region's creativity are analyzed.

Ключевые слова: territory of advanced socio-economic development, creative economy, indicators of the region's creativity, innovative nature of economy.

Снижение конкурентоспособности национальной экономики в системе мирового хозяйства определяет актуальность исследований, посвященных возможности перехода регионов на модель креативной

ОСТАНИН Владимир Анатольевич – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории. ostaninva@yandex.ru.

OSTANIN V. A. – Professor, Doctor of Economic Sciences, professor at the Department of Economic Theory.

---

* Владивостокский филиал Российской таможенной академии. 690034, г. Владивосток, ул. Стрелковая, 16в. Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy. 16 v, Strelkovaya street, Vladivostok, Russian Federation, 690034.

экономики. Это связано с обнаружившейся тенденцией сокращения доли высокотехнологичных производств в ВВП, так и с действующей системой санкций по отношению к России.

В развитых странах идет становление новой экономики, связанной с пятым и шестым технологическим укладом, что дает основания судить о переходе к инновационной экономике, которая по своей природе есть креативная экономика. Возможность получения новых знаний, способность к обучению и последующему внедрению знаний в мире становится необходимым, но недостаточным условием повышения их конкурентоспособности. Перед правительствами стран ставится задача по созданию территориальных инновационных систем (ТИС) национального, регионального и локального уровней. Известно, что в развитых странах ТИС являются результатом государственной поддержки естественных процессов локализации инновационного цикла. Это наиболее ярко проявилось, например, в Кремниевой долине США. Развивающиеся страны создают научные технологические центры, которые обеспечивают трансфер технологий из развитых стран, например, особые экономические зоны Китая, Индии. В бывшем СССР существовали подобные экономически обособленные территории в виде ЗАТО, академгородков. Последние являлись основным механизмом ускорения научно-технического прогресса в отраслях, связанных в основном с военно-промышленным комплексом. В настоящее время эта система распалась и деградировала [1, с. 7].

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года декларировалось развитие «новой экономики – экономики знаний» и высоких технологий, которая становится ведущим сектором инновационной экономики. Термин «инновация» относится к обновлению, от лат. «*novatio*» обновление и приставки «*in*» – в направлении. Как отмечают В. Л. Бабурин и С. П. Земцов, «любую информацию, появившуюся в границах данной пространственно-временной системы, будем называть новацией, а процесс ее оструктурирования – инновационным в широком смысле слова». Тогда инновация – это внедренная системой в свою структуру новация (некая информация, идея, новшество). Ему близкое по смыслу – нововведение. Новации являются своего рода универсальным способом «экспериментирования» природы и социума, при котором выживают наиболее конкурентоспособные новшества. Способом запоминания результатов экспериментирования, выработанного природой, является генетический код. В сложных социально-экономических системах схожие функции выполняют общественные институты, являющиеся следствием социальных, политических и иных инноваций прошлого [1, с. 13].

Таким образом, следует различать новационное, инновационное и факторное пространство. Новационное пространство – это совокупность (вместилище) потенциальных, воплощенных только в потоках мыслей и идей, пространственных связей, производных от появления новых технологий или идей. Одновременно оно является частью мирового или локального информационного пространства, а совокупность пространственных связей и факторов, образуемых на начальном этапе реализации инновационного процесса, будет названо инновационным пространством. По аналогии, совокупность традиционных факторов размещения – ресурсным пространством, с разделением его, соответственно, на совокупность трудовых факторов и ресурсов – факторное пространство.

Не исключено, что уже в традиционном факторном ресурсном пространстве зарождается новое знание, которое изначально появляется и оформляется в виде идей, что дает основание вести речь о некотором интеллектуальном пространстве. Для интеллектуального пространства характерна неупорядоченность, а (энтропия) территориальной системы на начальном этапе ее формирования максимальная. По мере развития территориальной системы нарастает ее инерционность, уменьшается мобильность и эластичность элементов, связей. Инновационное пространство переформатируется в традиционное факторное пространство. Завершаясь, каждый инновационный цикл теряет свою динамику и остается в форме некоторого рудимента, образования прошлого [1, с. 13].

Представляет большой научный и практический интерес определить возможность, а затем и вероятность создания вначале нового знания, а затем и трансформацию его в инновацию. Возможность и интенсивность этого становления и перехода зависит от концентрации новаций и интенсивности взаимодействия между инноваторами. Новые идеи, новации, которые способны зародиться в местах с высокой концентрацией новации, в дальнейшем обуславливают процесс детерминации инновационных волн на периферию, оформляя при этом самоподдерживающийся поток инноваций.

Концентрация, «сжатие» пространства, ведет к сокращению затрат времени, производственных и интеллектуальных ресурсов. Время, как и пространство, принимает форму инновационного специфического ресурса как фактора организации общества в регионе. Инновации перемещаются от места зарождения в наиболее выгодные условия функционирования путем:

– перемещения самого носителя новации (человека) в результате миграции, утечки мозгов в места, где существует большая обеспеченность финансовыми и информационными ресурсами, что позволяет материализовать новацию уже на новом месте;

- движения новационной (информационной) волны;
- диффузии нововведения материализованной новации в места, где на нее более привлекательный спрос.

Нововведения могут быть представлены в виде формализованного знания, которое может быть передано в форме статей, формул, моделей. Другая часть в виде неформализованного знания непосредственно воплощена в человеке-инноваторе и носит название неявного знания.

Формализованное знание материализуется в НИОКР; новых продуктах; технологических инновациях; процессных инновациях; организационных нововведениях (совершенствовании системы менеджмента); приобретении овеществленных технологий в виде машин и оборудования; приобретении не овеществленных технологий в виде патентов, лицензий на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей; раскрытии ноу-хау; приобретении программных продуктов; обучении, подготовке и переподготовке кадров; маркетинговых инновациях [1, с. 17].

В пространственной экономике важное значение приобретает фактор экономического пространства. Однако он становится значимым и в новой инновационной экономике, которая все в большей мере приобретает специфические черты креативной экономики, – благоприятное экономико-географическое положение, близость или нахождение в локальном центре инновационных структур и организаций, близость и доступность источника нововведений могут стать индикатором высокого инновационного потенциала. Инновации зарождаются в наиболее плотном, концентрированном и связанном пространстве [1, с. 29].

Так, А. Г. Фонотов и В. В. Киселева отмечали, что «когда речь идет об инновациях, непосредственно поступающих на потребительский рынок, скорость распространения зависит от структуры целевых групп, для которых предназначен товар...» [5, с. 9]. В то же время удаленность от инновационных ядер приводит к существенному снижению процессов диффузии новых технологий. Общество коэволюционирует вместе с природной средой. Природные ритмы влияют на создание обществом инноваций. Институты складываются в том числе и под влиянием природно-географических условий. Можно сформулировать суждение, что в конечном счете все нововведения направлены на развитие адаптационных способностей. Хотя, как свидетельствует практика, наличие природных ресурсов может неоднозначно сказываться на развитии.

Производственная функция знаний (ПФЗ) описывает процесс создания знаний и технологий в зависимости от затрат труда и капитала [13; 15]. Первоначально в основу были положены функция Кобба – Дугласа, модель Солоу – Свана. В этих моделях упор делался на экстенсивные факторы –

труд и капитал. Интенсивные факторы считались заданными, т. е. экзогенными.

$$Y(i, t) = A(i, t) * C^{\alpha_1}(i, t) * L^{\alpha_2}(i, t),$$

где $Y(i, t)$ – валовой региональный продукт (выпуск); $A(i, t)$ – совокупная факторная производительность, ассоциируемая, как правило, с техническим прогрессом, величину которой соотносили с остатком Солоу; i – территориальная система, например, город, регион, страна; t – периоды времени, годы; C – затраты капитала; L – затраты труда; α_1 – показатель влияния фактора капитала; α_2 – показатель влияния фактора труда; $\alpha_1 + \alpha_2 = 1$.

В модели предполагалось, что $A(i, t)$, т. е. совокупная факторная производительность, есть функция используемых в практике накопленных знаний и умений, а также уровень освоенных технологий, которыми уже располагало сообщество. Этот параметр соотносили одновременно с производственной функцией знаний, которая фактически описывала процесс производства новых знаний, инноваций. Так как она определялась накопленным прошлым опытом, производственной, технологической культурой, следовательно, была материализацией располагаемого запаса знаний, умений и владений всего накопленного интеллектуального и материального богатства сообщества (μ).

Отсюда авторы делают важный вывод, цитируя И. Ньютона, – «стоять на плечах гигантов» можно только тогда, когда общество накопило этот запас. Чем выше накопленный запас знаний, умений, компетенций, тем выше способность реализовать этот запас, больше вероятность повысить производительность труда, обеспечить экономический рост.

К знаниям нельзя применить действующий в экономике закон падающей отдачи, или предельной отдачи. Наоборот, в этом отношении скорее срабатывает закон повышающейся отдачи последней накопленной единицы, конечно, с учетом реновации всего накопленного потенциала интеллектуального капитала. Как подчеркивает К. Эрроу [7, с. 103], передача знаний не означает того факта, что это знание убывает у передающего агента. Трансфер знаний, диффузия компетенций, инноваций ведет только к увеличению в сообществе интеллектуального потенциала.

Эту эмпирическую количественную зависимость часто выражают логарифмической зависимостью прироста выпуска на душу населения с учетом фактора прироста человеческого капитала, а также накопленного запаса имеющихся знаний (μ), расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на душу населения. Последнее было подтверждено исследованиями Т. Бреннера [8].

Производственная функция знаний на душу населения часто выражалась в логарифмической зависимости от факторов прироста человеческого капитала [1, с. 37, 38]:

$$\Delta \ln \left(\frac{\hat{Y}_{it}}{P_{it}} \right) = \ln(\mu) + \alpha_1 * \ln \left(\frac{RnD_{it}}{P_{it}} \right) + \alpha_2 * \Delta \ln \left(\frac{C_{it}}{P_{it}} \right) + \alpha_3 * \Delta \ln H_{it} + \alpha_4 * \Delta \ln \left(\frac{L_{it}}{P_{it}} \right) + \varepsilon,$$

где $\Delta \ln \left(\frac{\hat{Y}_{it}}{P_{it}} \right)$ – прирост дохода на душу населения; $\Delta \ln H_{it}$ – прирост человеческого капитала; μ – накопленный запас знаний, умений, компетенций; $\left(\frac{RnD_{it}}{P_{it}} \right)$ – расходы НИОКР на душу населения; $\left(\frac{C_{it}}{P_{it}} \right)$ – доля затрат капитала на душу населения; $\Delta \ln \left(\frac{L_{it}}{P_{it}} \right)$ – прирост живого труда на душу населения, или производительность одного человека; $\alpha_1, 2, 3, 4$ – эмпирически найденные коэффициенты; ε – остаток.

Необходимо уточнить ключевые понятия вышеприведенной модели, а именно, производственный потенциал и его прирост, производственный и индивидуальный капитал и их, соответственно, прирост. При этом накопление капитала есть результат инвестиционной, инновационной деятельности, когда накопленные ранее сбережения национальной экономики или внешнего мира трансформируются в прирост потенциала. Потенциал же по определению есть возможность, как правило, максимальная. Отношение же потенциала к величине капитала скорее отражает эффективность его использования.

Область НИОКР формирует не капитал, а потенциал, который трансформируется в капитал уже в процессе практической деятельности. Накопленный и полученный в результате творческой деятельности новаторов, он производит идеи, модели, теории, опытно-конструкторские промышленные образцы. Поэтому они как расходы обязательно войдут в прирост валового продукта, однако это будут расходы, которые в основном макроэкономическом тождестве будут равны доходам, но это не будет тот конечный результат, на который нацелена вся инновационная деятельность. Это условие обладает признаками необходимости, но не признаком достаточности. Прирост национального дохода на душу населения есть тот показатель, который более точно определит успех реализации новаций, их трансформации из потенции в действительность.

Поэтому процесс трансформации запаса ранее накопленных знаний, умений, компетенций ($Bt-1$), материализованных в человеческом потенциале ($Ht-1$), следует отнести к расходной части инновационной деятельности.

Эти расходы потенциала и капитала способны генерировать уже больший эффект, а именно новый увеличенный запас знаний, умений, компетенций в последующий период времени t . Таким образом, эффект инновационной деятельности, ее результативность в сфере производства идей, моделей, теорий, промышленный образцов может быть выражена моделью:

$$\frac{Ht}{Ht-1} * \frac{Bt}{Bt-1} = \text{инновационный прирост знаний, умений, компетенций в долях от ранее достигнутого уровня.}$$

По сути, это выражение есть иная форма модели производственной функции, предложенная П. Ромером и уточненная В. Бабуриным и С. Земцовым [1, с. 39; 15]:

$$\frac{dB}{dt} = r * H \exp \eta * B \exp u,$$

где r – коэффициент производительности потока знаний, умений, компетенций; H – запас человеческого капитала; B – знания, компетенции, умения, накопленные на текущий момент времени; η , u – эмпирически определенные коэффициенты.

Эта доля может приобретать значение как большее единицы, так и меньше единицы. В первом случае можно утверждать, что новация в процессе инновационной деятельности привела к увеличению текущего запаса знаний, умений и компетенций. Во втором случае можно сделать вывод о том, что произошла утрата ранее накопленного капитала. Проблема в том, что знания устаревают, если не накапливаются. Национальная экономика может расти за счет инвестиций в уже становящийся устаревшим производственный потенциал. Возможный рост будет обеспечиваться на основе факторов экстенсивного роста, инвестиций в устаревающие технологии.

Как следует из модели П. Ромера, используемая логарифмическая функция факторной зависимости дает следующий результат: прирост человеческого капитала H на 1 % приводит к увеличению темпа прироста знания, компетенций на значение, равное η .

При всей внешней убедительности предложенной и уточненной модели, тем не менее, следует сделать вывод о том, что она есть предельно упрощающая реальные количественные зависимости. Накопление знаний, как и сам процесс материализации их в новации, а затем и инновационные продукты в своей существенной доле определяется и сложившимися в обществе институтами. Недостатком модели Ц. Грилихеса следует признать игнорирование регионального фактора.

С другой стороны, как следует из работ Ц. Грилихеса, объем производимых знаний становится не функцией производительности факторов, а наоборот, сам объем знаний, компетенций становится детерминантой самого процесса накопления запаса факторов. Тогда, согласно Ц. Грилихесу, производственная функция знаний, компетенций будет определяться количественно в соответствии с моделью:

$$K_t = \alpha_0 [W(B)R_t] \exp \mu * e (\exp) \mu t + v;$$

где K_t – накопленный знаниевый капитал в момент времени t ; $W(B)R_t$ – величина, определяющая функцию запаздывания по времени от времени затрат на выполнение НИОКР; μt – величина, характеризующая тренд воздействия на инновации; v – случайная величина погрешности.

Из модели следует, что параметр финансирования (R) оказывает влияние на производство так называемых ненаблюдаемых знаний и компетенций, которые, однако, имеют экономическую ценность, формируя знаниевый капитал K_t , а последний уже оказывает влияние, детерминирует поток знаний и компетенций. Поддается явному наблюдению только та часть капитала, которая материализовалась в патентах, изобретениях, полезных моделях.

Прирост экономики в теории эндогенного роста осуществляется за счет возрастающей отдачи от инноваций. Источник происхождения инноваций здесь не имеет значения, т. е. отсутствует различие между местными инновациями и заимствованными из иных регионов, в том числе и из-за рубежа. Поэтому еще более уточненные модели прироста экономики включают в себя факторы диффузии инноваций и миграции человеческого капитала. Сам же человеческий капитал определяется как функция среднего количества лет обучения, т. к. полагается, что большую квалификацию и больший объем знаний и компетенций можно накопить в процессе обучения. Потому в проведенных исследованиях человеческий капитал входит в модель прироста экономики либо непосредственно, либо окольно, например, через затраты на обучение, следовательно, уровня образования [6]:

$$Y_{ij} = a_{ij} * C_{ij}^{\alpha_1} * H_{ij}^{\alpha_2} * L_{ij}^{\alpha_3};$$

где Y_{ij} – выпуск товарной продукции в текущем периоде (году); C – материальный (физический) капитал в текущем периоде (году); H – человеческий капитал в текущем периоде (году); L – трудовые затраты; α – эмпирически определенные коэффициенты.

Если привлечь в модель фактор местоположения внедряемой инновации в стремлении оценить региональный аспект инновационной деятельности, то следует констатировать важные положения для теории развития региона. Во-первых, регион не может сам по себе быть инноватором. Регион есть часть регионального сообщества, а инноваторы есть отдельные индивиды, которые участвуют в инновационном процессе. Последние создают, творят, генерируют новые, оригинальные идеи, производят новые знания и компетенции в творческом сообществе, концентрируемом в университетах, научно-исследовательских институтах, лабораториях (что не исключает истинности фундаментального положения о том, что именно в индивидуальном сознании, мышлении реализуется креативная логика). Это сообщество индивидов и исследовательских организаций создает так называемое ядро региональных инновационных систем.

На процесс креации оказывают воздействие внешнее окружение, которое можно охарактеризовать как адекватность социально-экономических, политических институтов, а также такие факторы, как уровень урбанизации в регионе, доступность образования, в том числе высшего, доступность современных информационных технологий, развитая социальная и технологическая инфраструктура. Важная роль отводится численности инноваторов, которая зависит от сформированного инновационного и инвестиционного климата, инновационной привлекательности региона.

Вместе с тем отсутствуют основания для простых количественных зависимостей роста числа инноваторов от создаваемых искусственно условий инновационной привлекательности региона. Здесь следует помнить тот факт, что на способность творить новое сильное влияние оказывает природный фактор, а именно потенциал самой личности. Эти качества скорее формируются индивидуальностью человеческой природы. Потому, как показывают исследования, доля инноваторов не превышает 5–10 % общего числа занятых в производстве вообще. Задача видится том, чтобы максимально вовлечь эти 5–10 % в процесс творения нового, поощряя индивидуальную и творческую активность как отдельных личностей, так и коллективов [4; 11]. Как отмечает по этому поводу В. М. Гнедовский, современный мир переходит от конкуренции за рынки сбыта, к конкуренции городов за творческих профессионалов. Последний становится основным решающим ресурсом и фактором производства современной постиндустриальной эпохи. Креативная экономика и креативные профессионалы становятся «мотором» развития общества. В статье подчеркивается продуктивная идея исследователя Р. Флориды о том, что города соревнуются не за фирмы, а за людей. Уже потом фирмы переносят свои мощности и штаб-квартиры на место жительства работников. Когда фирмы пытаются нанять или переманить хороших специалистов, то они завлекают их не большими зарплатами, страховками и премиями, и даже не предложением пакета акций, а перспективой проживания в хорошем

месте. Как следует из утверждения Р. Флориды, сегодня престижно не то, что ты работаешь в «Боинге» или «Майкрософте», а то, что ты живешь в Сиэтле [11; 12].

Следовательно, в регионе необходимо выделять те области человеческой деятельности, где творчество начинает цениться, формируя тем самым креативные сообщества, в которых создается новая стоимость, или ценность, интеллектуальное богатство нации. Поэтому не случайно правительство Соединенного Королевства определило креативные индустрии как «...деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которая несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [Цит. по: 2].

Проблема экономического роста региона в постиндустриальную эпоху, в эпоху формирования и построения креативной региональной экономики не будет проблемой роста сообщества «вне пространства». Существенная доля усилий экономической, политической власти региона будет отводиться в теории роста факторам благоприятной почвы, среды, ее искусственного культивирования. Следует признать тот факт, что появляется все больше оснований для утверждения, что именно города, в меньшей степени – регионы и страны, будут становиться главными акторами в социально-экономическом, культурном развитии. Уже города и регионы будут выходить на арену как главные конкуренты транснациональным корпорациям и национальным государствам, как это было ранее в индустриальную эпоху или эпоху тейлоризма. Главными объектами конкуренции станут креативные, талантливые и образованные люди – креативные по своей природе профессионалы, ибо именно они становятся главным ресурсом и фактором социально-экономического, культурного развития в постиндустриальную эпоху [3].

Следовательно, перспективы инновационного развития региона следует усматривать в конкурентных способностях региональной власти создавать предпосылки по формированию благоприятной среды будущей креативной экономики, или так называемой «креативной индустрии» (*creative industries*), в которой существенным отличительным признаком становится сектор, отрасль, ориентированный на производство и распространение, тиражирование знаний, умений и компетенций. Эта идея пока очень трудно проникает в мысли региональных политиков. Однако следует при этом понимать, что корни этой проблемы уже выходят из рамок экономических. Как отмечал по этому поводу А. Эйнштейн, «ни одну проблему нельзя решить на том уровне сознания, на котором она была создана».

Отметим, что серьезное научное обсуждение проблем формирования креативной экономики в научных журналах началось с момента выхода в свет работы Р. Флориды «Возвышение креативного класса.

Как он преобразует сферу труда, отдыха сообщества и повседневность» [12]. В качестве доказательства, что общество уже перешло от этапа зарождения к этапу становления, приводится тот факт, что доля творческих профессионалов за последние 25 лет в США выросла более чем в полтора раза, а именно, с 18 % до более чем 30 % всех занятых в экономике. Так, в 2002 г., по данным Р. Флориды, более 38 млн американцев были заняты в творческих профессиях.

Регионы, которые уже можно отнести к сообществам с креативной экономикой, отличает новый, более динамично реализуемый уровень капитализации высокотехнологичных отраслей, в первую очередь интернет-технологий, программного обеспечения, а также тех сфер, которые не только свидетельствуют о развитии традиционных культурных ценностей и новаций, но и относятся к постмодернистским, в том числе развлекательное программное обеспечение, живая и записанная музыка, визуальное искусство и антиквариат, музеи и наследие, издательства, архитектура, дизайн. В США к отрасли креативной экономики относят, в отличие от Англии, научные исследования и разработки, с которыми Америка напрямую увязывает высокие показатели роста экономики, причем именно с развитием именно этого креативного сектора. Расцвет Кремниевой долины в США может быть осмыслен лишь в контексте экспериментаторской культуры и университетов района Залива в целом. Это было то место и время, где молодых предпринимателей-хиппи не только приняли, но и профинансировали венчурные капиталисты. Реальное преимущество этому региону дало то, что там были созданы условия для разнообразия форм реализации потенциала, а также предоставлена свобода выбора форм среды для жизни, работы и досуга [10].

Эта же идея развивается в работах Джоэля Коткина, когда выделяется такой фактор свободы выбора, который вряд ли в ближайшем будущем будет воспринят в российском сообществе. Например, он подчеркивает в качестве признака условий для творчества наличие свободы в привлечении гомосексуалистов и богемы. Это есть признак того, что в городе «сформировалась “креативная экосистема”» – городская среда, готовая принять новых людей и новые идеи. Среда, в которой люди с легкостью строят сети, взаимосвязи, в которой идеи не душат, не подавляют, а превращают в новые проекты, новые компании, новый источник роста». Новые точки роста создаются вокруг «важнейших индустрий» (промышленность, строительство, оптовая и розничная торговля). Специфика в том, что все эти отрасли индустрии зависят от креативности тех людей, которые будут создавать их окружение. Никто не будет ничего творить, строить, пока кто-нибудь не придумает и не создаст новый бизнес, которому потребуются эти постройки [11; 12].

Регион, позиционирующий себя как территория, на которой интенсивно реализуются творческие начинания, генерирует идеи, отличающие его от региона, где господствуют массовые стандартизированные продукты. Последнее есть важнейший признак индустриального общества. И хотя творческие профессии имели место и в индустриальном и более ранних укладах, тем не менее именно в регионах с креативными особенностями они становятся господствующими, т. к. возрастает их роль в экономическом развитии. Один из методических подходов отнесения региона к креативному был описан в данной статье выше на примере Англии. В креативном регионе преобладают креативные индустрии, где создается добавленная стоимость на основе эксплуатации интеллектуальной собственности.

Второй метод был предложен Д. Хоукинсом. Здесь отнесение региона к креативному основан на анализе отраслей региона, производящих интеллектуальную стоимость в виде авторских и патентных прав, авторских программ, продукции издательств, телевидения, дизайна, музыки, кино, рекламы, моды, искусства, архитектуры [14].

Третий подход, предложенный Р. Флоридой [9], основан на анализе выделенных сфер занятости работниками творческих профессий. В этой модели выделяется «креативный класс, или класс творческих работников», и «подкласс творческих профессионалов». Класс креативных работников составляет ядро, в которое входят научные работники, программисты, работники образования, дизайнеры, инженеры, представители средств массовой информации, спорта, искусства. Подкласс творческих профессионалов включает менеджеров среднего и высшего звена, предпринимателей, работников финансовой и банковской сфер, областей здравоохранения, юриспруденции. Следуя этому методическому подходу, можно сделать вывод, что фактор места играет более существенную роль для креативного класса, чем для других групп населения. Эта группа более требовательна к среде окружения в сообществе, обладают большей мобильностью, но одновременно и более инкорпорированы в местную среду.

Как следует из доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005 г.), «свобода выражения мнений подразумевает свободу мнения, свободу устного и письменного слова, свободу прессы, свободный доступ к информации и свободное распространение данных и информации. Без свободы выражения мнений не может быть информационного общества, поскольку свобода выражения мнений, которая сочетается со свободой, необходимой для научных исследований и созидательной деятельности, является единственной гарантией того, что глобальное информационное общество не станет глобальным обществом некачественной информации или дезинформации» [4].

Если опираться на данный методический подход, то можно выстроить модель индекса креативности региона, например, города, в основу которого положены три фактора – толерантность, технологии и талант:

$$I_{\text{great}} = I_r + (I_{\text{ивт}} + I_p)/2 + (I_{\text{mb}} + I_b + I_g)/3,$$

где I_{great} – индекс креативности региона; I_r – доля граждан региона, имеющих степень бакалавра и выше; $I_{\text{ивт}}$ – индекс высоких технологий региона, определяется как доля продукции высокотехнологичных производств в регионе в отношении к их доле в стране; I_p – инновационный индекс, равный числу зарегистрированных патентов на душу населения; I_{mb} – индекс «плавильного котла», оценивает разнообразие в форме доле иммигрантов в регионе; I_b – индекс «богемности», оценивается по доле работников артистических профессий; I_g – «гей-индекс», определяется долей гомосексуалистов.

Проведенные исследования позволили уточнить эту зависимость. Вместе с тем не обнаружена корреляция между уровнем инновационной активности и миграцией в регионах. Также относительная возросшая доля творческих работников может быть объяснена переизбытком досуговых сфер. Сам же «гей-индекс» скорее отражает не значимость и весомость этого фактора, а степень свободы, которая, тем не менее, не должна противоречить традиционным ценностям в регионе [9]. Предложенная модель может послужить основой для дальнейшего улучшения и апробирования. Креативность населения на территории опережающего развития может получить косвенную оценку в увеличении числа как инноваторов, так и иммитаторов, отражающем рост человеческого капитала. При этом следует принимать во внимание тот факт, что именно человеческий капитал на территории опережающего развития становится более значимым фактором по сравнению с приростом финансирования из разных источников инвестиционных проектов. Этот формирующийся креативный класс становится основой постиндустриального развития территории, что принципиально должно изменить приоритеты в региональной политике на территориях, позиционирующих себя как территории опережающего развития. Территории опережающего развития могут перейти из разряда декларируемых, потенциальных в разряд действительных тогда, когда они реализуют свое назначение и обеспечат преимущества в конкурентной борьбе за креативную часть населения. Приоритеты смещаются от конкуренции за финансовые ресурсы к конкуренции за креативную, творческую часть населения. Эта категория может как воспроизводиться творческой интеллектуальной средой региона, так и пополняться за счет иммиграции ее из других российских регионов, а также из интеллектуальной среды ближнего и дальнего зарубежья.

Список литературы

1. Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России: монография. М.: КДУ; Университетская книга, 2017. 358 с.
2. Гнедовский В. М. Проблемы развития постиндустриального общества в городах США. URL: https://buk.irk.ru/exp_seminar/4/doc4.pdf (дата обращения 03.06.2017).
3. Гнедовский В. М. Современные проблемы развития постиндустриального общества в городах США и Европы. URL: <http://www.cultura.kh.ua/images/stories/document/invest/Gnedovskiy.doc> (дата обращения 03.06.2017).
4. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. URL: <http://en.unesco.org/> (дата обращения 13.06.2017).
5. Фонов А. Г., Киселева В. В. Диффузия новых технологий // Инновации. 2013. № 7 (177). С. 9–14.
6. Шараев Ю. В. Теория экономического роста: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 254 с.
7. Эрроу К. Дж. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 98–107.
8. Brenner T. Science, Innovation and National Growth. (Working Papers on Innovation and Space / Philipps University Marburg; Department of Geography. 2014. No. 03).
9. Florida R., Tinagli I. Europe in the Creative Age. Pittsburgh: Carnegie Mellon Software Industry Center / London: Demos, Feb., 2004.
10. Florida R. The Economic Geography of Talent // Annals of the American Association of Geographers. 2002. No. 92 (4). P. 743–755.
11. Florida R. The Geography of Bohemia. Pittsburgh: Carnegie Mellon University, 2001. URL: www.heinz.cmu.edu/~florida/ (accessed 04.06.2017).
12. Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. NY.: Basic Books, 2002.
13. Griliches Z. Technology, Education and Productivity: Early Papers with Notes to Subsequent Literature. NY.: Basil Blackwell, 1988. URL: <http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0> (accessed 13.06.2017).
14. Howkins J. The Creative Economy. NY.: The penguin press, 2001.
15. Romer P. Increasing returns and long run growth // Journ. of Political Economy. 1986. No. 94. P. 1002–1038.

© Останин В. А., 2017

© Ostanin V. A., 2017

Для цитирования:

Останин В. А. Территория опережающего социально-экономического развития как креативное экономическое пространство // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 3(80). С. 53–66.